

№ 62

Сентябрь 1963 год

ГОД ИЗДАНИЯ 12-Й

ВОЕННАЯ СЛУЖБА

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ.

подбежал к нам и мы обнялись. После первых, обычных вопросов: где кончил училище? в какой полк вышел? разговор перешел на родной корпус. Но, увы, долго поговорить нам не удалось — перебил возница, позвав садиться. Передние подводы уже тронулись. Прощаясь, выразили надежду, что встреча будет не последней. Жорж вскочил на коня и, торопясь нагнать свой отряд, быстро исчез в темноте. Встреча была последней. Во 2-м Кубанском походе, Жорж пал смертью храбрых, ушел в вечность, оставшись навсегда в моей памяти.

.....

Через несколько дней после занятия станции Дядьковской, мы двинулись дальше. Проезжая в телеге по станции, я, в дверях школы, увидел раненого, голова и руки которого были забинтованы. Какое-то внутреннее чувство подсказало мне задержать повозку и подбежать к нему. Я подвел его к нашей повозке и, потеснившись, мы усадили его между нами. Лица раненого, из-за бинтов, не было видно. Объясниться с ним было невозможно, он не мог ни говорить, ни писать. На следующем

большом привале, в станции Журовской, мы все отправились на перевязку. Стояли с нашим новым спутником и ждали очереди. Дошла она и до нас, сестра разбинтовала голову нашего незнакомца и что-же я увидел? Передо мной стоял мой однокашник симбирец Алеша Елисеев. Радость встречи была омрачена — он не мог говорить. Не расставаясь с ним до села Лежанка, Ставропольской губернии, где я вернулся в строй. Алешу, с обозным лазаретом, через станцию Егорлыцкую, отправили в Новочеркасск. Выйдя из госпиталя, он провел отпуск у моих родных. В это время я был на фронте и свидеться с ним больше не пришлось. Алеша так же, как Дима Шнарковский и Жорж Шипкин, пал в бою.

В отряде Чернецова, при защите Ростова на Дону, был убит еще один мой однокашник, симбирец Петя Лензин.

Много лет прошло, но пережитое и эти последние встречи с дорогими однокашниками-симбирцами никогда не изгладятся из моей памяти. Пусть эти несколько строк моих воспоминаний будут венком на их неизвестные могилы.

Г. Алексеев

Эпизоды моих плаваний на судах гвардейского Экипажа

Тяжело больному, на койке госпиталя, мне невольно приходят в голову различные эпизоды из моей службы на судах Гвардейского экипажа. На закате дней моих, я постараюсь зафиксировать их на бумаге в надежде, что воспоминания мои могут быть интересны не только моим сослуживцам по Гвардейскому экипажу.

Первое мое плавание было на Императорской яхте «Полярная Звезда» в 1900 году. Яхта эта, обычно, отдавалась в распоряжение Императрицы Марии Феодоровны для Ее ежегодных летних визитов к своей семье в Дании. Мне часто приходилось слышать о необыкновенном царственном обаянии Императрицы. Мой отец Павел Владимирович, шталмейстер Двора Его Величества, в молодые годы, командовал Кавалергардским Ее Величества полком и ему случалось на придворных балах танцевать с Императрицей. Он часто рассказывал нам о ее

необыкновенном обаянии, в чем мне пришлось лично убедиться во время пребывания яхты в Копенгагене. Во время стоянки в этом порту, Императрица несколько раз приглашала всех офицеров кают-компани к Царскому столу завтракать. После одного из завтраков меня позвали к Императрице. Она стояла на юте и с ней рядом был командир яхты кап. 1-го р. барон Штакельберг. Я подошел к Императрице и она меня спросила по-французски: «Ваш брат, кажется, скоро женится на м-лле Нарышкиной?» (Вопрос касался моего брата Александра, офицера Кавалергардского полка). На мой утвердительный ответ Императрица сказала, обращаясь к командиру: «барон, отпустите Родзянко в Петербург на свадьбу его брата». Мне осталось только поблагодарить Императрицу за такое внимание. Могут сказать — это мелочь... да, но мелочь незабываемая и, если вся жизнь состоит из мелочей, то возможно, что и

троны, иногда, держатся на таких мелочах.

Во время перехода яхты из Кронштадта в Копенгаген, случилось одно событие, которое могло окончиться драматически. При выходе яхты из Финского залива в Балтийское море, мы попали в такой туман, что в одном кабельтове ничего не было видно. Дали малый ход, завывли сирены, наш командир барон Штакельберг, прекрасный моряк, совершивший несколько кругосветных плаваний на парусных судах, пошел на самый бак, к бушприту, чтобы лучше видеть, и оттуда давал приказания на мостики. Внезапно с левого борта раздалась сирена, и из тумана вылез пароход-купец. Командир командовал (по тогдашней системе): «Лево на борт», и яхта покатилась вправо, и вот тут-то перед нами оказался другой пароход. Командир командует «Полный назад... Водяная тревога!» Корма яхты сильно затряслась. Встревожена Императрица вышла на палубу. Мы благополучно разошлись с пароходами. Императрицу успокоили, но дело могло кончиться совсем иначе и трагично. Кстати, мне припомнилось, как, во время тревоги, молодые матросы, а их было порядочно на яхте, забегали не зная, что им делать. Тогда же мне ясно представилась недопустимость назначения новобранцев на Императорские яхты. В Англии на королевские яхты назначаются только старослужащие матросы, много лет проплававшие, знакомые с практикой морского дела. И у нас таких было достаточно. Припоминаю возвращение из кругосветного плавания крейсера Гвардейского экипажа «Рында» с прекрасной командой.

В порту Копенгагена жизнь на яхте протекала довольно однообразно. Кроме чистки и приборки, да вахт, службы, в отсутствие Императрицы, почти не было. Но, в конце лета, к Датскому Королю Христиану IX, не помню по какому случаю, со всех концов Европы, съехался его Царственная Семья.

Императрица пригласила всех этих родственников на прием, на яхту. Помню, как мы поднимали на стеньге один за другим пять штандартов: русский — Императрицы, английский — Королевы Английской, датский — Датского Короля, греческий — Короля Греческого и, наконец, шведский — Короля Объединенных, в то время, Швеции и Норвегии. После приема Царственные родственники стали уезжать и один за другим выходили на палубу. К трапу подали наш паровой катер, в который Царственные особы стали поочередно спускаться. Со стеньги, также по-очереди, стали спускаться королевские штандарты и поднимались на носовом флашгоке катера. Оркестр наш играл гимны, на берегу датчане принимали гостей с музыкой, караулами и торжественными церемониями. Все это было великолепно и красиво.

Осенью меня назначили на миноносец «Сом», Гвардейского экипажа, уходивший на Дальний Восток. К переходу на Восток было назначено пять миноносцев: «Сом», отличный миноносец английской постройки, а остальные четыре построенные в Германии: «Кит», «Скат», «Дельфин» и «Касатка». Немецкие миноносцы имели несколько больший ход, но, зато, «англичанин» лучше держался на волне. Помню, когда мы проходили Бискайским заливом, а всем известно, что такое осенью этот залив, ветер был очень крепкий и волна огромная. Меня чуть не снесло с мостика в море, едва успел удержаться за поручни. Так вот, в этот шторм, мы пришли в Виго на сутки раньше «Кита» и «Ската».

Вообще, это плавание было чрезвычайно интересно и увлекательно. Выйдя из Кронштадта, мы зашли в Киль, Кильским каналом вышли в Северное море, пошли в Дувр, Шербург, Брест, Виго, Алжир, Мессина, Коринфским каналом в Пирей, затем в Кипр, Порт-Саид, прошли Суэцким каналом в Красное море, зашли в Коломбо, Шанхай и, наконец, последний переход в Порт-Артур. Во время этих переходов нас неоднократно сильно трепало и были моменты трудные. Меня не упрекало и я эти «треники» любил, несмотря на то, что нас было двое и приходилось стоять на две вахты с Воеводским, что было тяжело. Что значит юность!..

В Порт-Артуре мы вступили в состав Тихоокеанской эскадры. «Сом» вскоре был введен в док для осмотра и перемены правого винта, одна лопасть которого была сломана в дороге. Командир кап. 2-го р. А. Гирс и старший офицер лейтен. Н. Философов, оба, вернулись в Петербург, миноносец был переведен в Сибирский экипаж, а мичман Воеводский, я и вся команда переведены на Гвардейского экипажа крейсер «Адмирал Нахимов», только что пришедший из Владивостока.

Командовал крейсером кап. 1-го р. Стеман, старшим офицером был кап. 2-го р. Петров-Чернышин, офицерский состав: лейтенанты Племянных, С. Трухачев, Мазуров, Лодыгин, Долгов, Мальцев, Беща Эллис, барон Иван Черкасов и мичман граф Игнатьев. Жизнь потекла обычная, эскадренная: занятия, учения, эскадренные маневры, вместе с вахтами, заполняли все дни. В кают-компании мы играли в рекомендованную начальством военно-морскую игру. Противником нашим в этой игре всегда были японцы и, каждый раз, результатом этой мирной войны было разбитие нашего флота японским.

Должен сказать, что было полным недомыслием в то время считать Порт-Артур базой для флота в военное время. Возможно, что через десять-пятнадцать лет, при огромной настоячи-

ности и планомерной работе, он и сделался бы таковой, но в то время, в 1901 году, за три года до войны с Японией, в порту не было достаточной величины для броненосцев, вход судов в бассейн был возможен только во время отливов и приливов, иначе большие суда были заперты в гавани, без возможности выхода в море.

Вскоре, из Морского Штаба пришла новая выдумка, весьма умная, видимо в целях экономии: корабли стали ставить по очереди в резерв на шесть месяцев, иначе говоря, обрекали на абсолютное бездействие, как офицеров, так и команду, что чрезвычайно вредно отзывалось на морали тех и других.

По приходе в Артур броненосца «Пересвет» с него были переведены на «Адмирал Нахимов» Вел. Князь Кирилл Владимирович — старшим офицером, вместо Петрова-Чернышина, лейтенант П. Дурново, Кубе, мичмана Ива Эллис и Гавря Волков и инженер-механик князь Гагарин. По выходе из резерва, жизнь потекла обычным порядком. «Нахимов» был послан в Японию с визитом. Надо сказать, что в это время на Дальнем Востоке Германия полностью поддерживала нашу восточную политику, поэтому немецкий адмирал, командовавший в это время небольшой эскадрой, стоявшей на рейде Иокогамы, оказал нам все знаки морской вежливости и внимания, а также сделал визит Великому Князю. Мы также проявили по отношению немцев полное дружелюбие и у нас был устроен большой обед, на который были приглашены немецкие офицеры. Все было, как полагается — закуска с водкой, обед с шампанским, оркестр, балалаечники, потом пунш, ужин и, в конце концов, немцы остались на крейсере на ночь. Утром адмирал прислал за ними катер с офицерами. Мы их немедленно тоже затасили в кают-компанию и пошла потеха, которая кончилась только на другой день. Немцы решили нам ответить и устроили, как у них полагается, «бир-абенд» с отличным оркестром, а чудное баварское пиво — большая редкость на Дальнем Востоке. От этого «бир-абенда» мы испытали настоящее мучение. В самом деле, целую ночь, под крики «хох», нужно было вливать в себя по бокалу пива. К утру, мы просто распухли, оставшись трезвыми. Удовольствия, в общем никакого.

Мы были приглашены во дворец в Токио, а Великий Князь сделал визит Микадо.

В середине 1903 года было решено вернуть «Нахимов» в Кронштадт. На переходе из Шанхая в Сайгон, скончался от разрыва сердца наш командир кап. 1-го р. Стеман. По приходе в Сайгон, он был похоронен на французском военном кладбище. Довольно долго мы простояли в Сайгоне, ожидая нового командира, которым был назначен кап. 1-го р. Бухвостов.

По возвращении в Кронштадт, мы все получили отпуск, после которого, я был назначен на яхту Гвардейского экипажа «Стрела», генерал-адмирала Великого Князя Алексея Александровича. Яхта эта часто ходила с Великим Князем из Петербурга в Петергоф, для докладов генерал-адмирала Государю, а иногда с ним же в Кронштадт. Переходы эти проходили при мне спокойно, без особых инцидентов. Припоминаю, из этого периода, забавный случай: у Великого Князя поваром служил знаменитый Зеест. Обыкновенно, Великий Князь заранее, заказывал ему на сколько персон приготовить завтрак, но однажды, не предупредив заранее, сказал ему, что завтракать будет что-то чуть ли не 30 человек. Зеест был в полном отчаянии но, взяв себя в руки, собрал все, что нашел из провизии как в кают-компани, так и у команды, и устроил, совершенным чудом, превосходный завтрак.

Мне рассказывал Н. Волков, адъютант Великого Князя, что на заседании у Государя, по поводу посылки 2-й эскадры, большинство адмиралов, в том числе и Рожественский, были против посылки. Принятое решение о посылке эскадры нельзя назвать иначе, как абсурдным. Кроме пяти еле достроенных современных броненосцев, все остальные суда были старые «калоши», и было полной бессмыслицей рассчитывать на коэффициент их артиллерийского огня. Если можно было еще как-то объяснять этот поход до падения Артура, эскадра Рождественского могла, скажем, соединиться с 1-й, но с Мадагаскара, после падения Артура сам командующий адмирал Рождественский доносил в Петербург о дальнейшей бессмысленности похода, но в ответ получил приказание «идти вперед», а также извещение, что к нему послана еще третья эскадра, из судов береговой обороны, непригодных даже к простому океанскому плаванию (гениальная выдумка кап. 2-го р. Кладо — этого злого тения Тихоокеанской драмы).

Считаю справедливым и нужным сказать, что самый поход из Кронштадта до Японии был исключительно морским подвигом. Пройти свыше 20.000 миль, без права захода в порты, с угольными погрузками в море, без возможности ремонта судов и не потерять при этом ни одного корабля — случай совершенно исключительный в аналах флотской истории. Финал же этого беспримерного подвига был предрешен — полный разгром 2-й эскадры.

В состав эскадры входил Гвардейского экипажа эск. бронен. «Император Александр III», офицеры и команда которого, в большей части, состояли из моих старых соплателей по «Сому» и «Адмиралу Нахимову». Я был назначен на него после Гуллльского инцидента и списания в распоряжение комиссии Гаври Волкова и Ивы

Эллиса, двух мичманов, говорящих по-английски. Мне нужно было догонять эскадру через Париж, но там я получил телеграмму о назначении меня старшим офицером на транспорт «Иртыш», для замены списанного в срочном порядке «знаменитого» лейтенанта Шмидта.

Описание моего плавания на «Иртыше» не входит в заданную мною себе задачу. Скажу только, что плавание это под знойными лучами тропического солнца, при постоянных погрузках угля в открытом море было более, чем тяжелым. Мы кормили эскадру не только углем, но и многим необходимым, включая даже свежую провизию. Прибыв на Мадагаскар, я явился адмиралу Рожественскому и просил о переводе меня на «Александр III», но адмирал мне ответил: «вы мне нужнее на «Иртыше», на что я сказал, что, как офицеру Гвардейского экипажа, мое место на боевом корабле, а не на транспорте, в тылу. «Кто вам сказал это? «Иртыш» идет в бой», — был ответ адмирала, перед которым мне осталось только смириться. Это обстоятельство и дало мне возможность написать эти записки, потому что с «Алексадра III» не спася ни один человек.

Во время самого боя, после выхода из строя «Суворова», доблестный командир «Алексадра III» кап. 1-го р. Бухвостов поднял сигнал «следовать за мной» и на курсе, указанном адмиралом NO 23, сделал смелую попытку прорваться к северу на Владивосток. Около 15 ч. 30 м. «Александр III», подбитый, временно вышел из строя, но затем выровнялся и снова вступил головным в колонне броненосцев. Уже к вечеру около 18 ч. 30 м. мимо «Иртыша», идущего малым ходом с четырьмя затопленными отделениями, кабельтовах в 8-10 по право-

му траверзу прошли три горящие броненосца «Император Александр III», «Бородино» и «Орел». Я ясно видел, как около 18 ч. 45 м., «Император Александр III» дал последний залп из кормовой башни, как бы прощальный салют, начал медленно переворачиваться на левый борт и вскоре, остался плавать вверх килем. Было видно, как несколько десятков людей карабкались и влезали на обнаженный киль. Проплавав вверх килем минут 20, корабль затонул.

Так героически погиб доблестный броненосец Гвардейского экипажа со всей своей блестящей командой и славным офицерским составом во главе со своим командиром кап. 1-го р. Бухвостовым. Воистину, тогда погиб цвет Гвардейского экипажа и почти весь его офицерский состав. Один наш боцман Неманов чего стоил — морской волк, если можно так выразиться, морское чудовище, бывший боцман «Рынды», старший боцман-кондуктор последовательно на «Нахимове» и «Александр III». Человек высокого роста, страшной физической силы, имевший всегда на команду большое и благотворное влияние. Мир праху вашему, герои Гвардейского экипажа, покоящиеся на дне Цусимского пролива! Вечная вам память доблестные моряки-гвардейцы! Родина потеряла в вас своих верных сынов, а я лично — моих дорогих друзей и соплавателей в среде как офицеров, так и команды.

Лично я, на другой день, на полубаркасе затонувшего «Иртыша», имея на этой шлюпке одних только раненых матросов, сам был контужен и, пробыв год в японском плену, вернулся в Россию после подписания мира.

Капитан 2-го ранга В. П. Родзянко

